

Николай Михайлович Пржевальскій ¹⁾.

Преждевременная смерть у порога пятого путешествія...

Возвращеніе четвертой экспедиціи Пржевальскаго Петербургъ привѣтствовалъ такъ же горячо, какъ и возвращеніе предыдущей. Великій путешественникъ былъ въ апогеѣ славы. Его заслуги прежде всего были оцѣнены Государемъ. Императору Александру III угодно было наградить полковника Пржевальскаго производствомъ въ генералъ-маіоры и выразить желаніе видѣть его въ генеральскихъ эполетахъ... Обласканный вниманіемъ монарха начальникъ экспедиціи былъ далеко отъ мысли, что успѣхъ и блестящіе результаты путешествія принадлежатъ ему одному. За нѣсколько дней до производства въ генералы, онъ доносилъ въ Главный штабъ, что большая часть заслугъ экспедиціи „принадлежитъ не мнѣ, а моимъ сподвижникамъ. Безъ ихъ отваги, энергіи и беззавѣтной преданности дѣлу, конечно, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сдѣлано за два года путешествія. Да будетъ же и воздаяніе, достойное подвига“. — Всѣ участники экспедиціи удостоились получить по двѣ почетныхъ награды...

Императорское Географическое общество привѣтствовало путешественника въ чрезвычайномъ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны... Въ этомъ собраніи Пржевальскій блестяще прочиталъ первую лекцію, за которой послѣдовалъ рядъ чтеній въ Глав-

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

номъ штабѣ, Городской думѣ, Академіи Генеральнаго штаба и проч... Интересъ къ путешествію Пржевальскаго увеличивался съ каждымъ разомъ. Друзья и знакомые также не оставляли его въ покоѣ, и Николай Михайловичъ вскорѣ началъ тяготиться Петербургомъ.

„Пребываю еще въ Питерѣ, писалъ онъ А. М. Лушникову, и мучаюсь несказанно; не говоря уже про различныя чтенія и оффиціальныя торжества, мнѣ просто невозможно пройти ста шаговъ по улицѣ—сейчасъ обознаютъ, и пошла писать исторія, съ разными разспросами, привѣтствіями и т. п.

„Искренно благодарю за ваше письмо и за поздравленіе. Только рѣчь о *генеральштѣ* вѣроятно останется безъ исполненія... Въ Центральной Азіи у меня много оставлено потомства—не въ прямомъ, конечно, смыслѣ, а въ переносномъ: Лобъ-норъ, Куку-норъ, Тибетъ и проч.—вотъ мои дѣтища“.

Приволье и просторъ имѣнія Слободы манили Николая Михайловича, и онъ торопился скорѣе оставить Петербургъ и уѣхать въ любимую деревню... Только въ деревнѣ—въ тиши онъ могъ спокойно работать надъ исторіей своего путешествія. „Года два, писалъ онъ консулу Петровскому, придется сидѣть за разработкою привезенныхъ матеріаловъ. На счетъ истиннаго положенія Восточнаго Туркестана мнѣ приходилось говорить съ сильными міра сего, но они, сколько я знаю, считаютъ мои слова преувеличенными, другими словами—ложными... Время сдѣлаетъ свое дѣло, и истина всегда возьметъ верхъ надъ ложью и проходимствомъ“...

Двадцатаго марта Пржевальскій прибылъ въ Слободу, и черезъ нѣсколько дней отправился въ лѣсъ, на ночевку, но такъ какъ погода еще стояла холодная, и тетерева токовали плохо, то пришлось возвратиться ни съ чѣмъ, не сдѣлавъ даже ни одного выстрѣла... Въ ожиданіи тепла Николай Михайловичъ занялся осмотромъ „своего маленькаго хозяйства“. Садъ уже почти освободился отъ снѣга; яблоня, вишни и сливы выглядѣли отлично; посаженные перваго марта хотанскіе и аксуйскіе дыни и арбузы дали большіе ростки. Разгуливая по саду и наблюдая за его совершенствомъ и весеннимъ пробужденіемъ, Пржевальскій напоминалъ собою лучшаго помѣщика. Всякій новый побѣгъ, всякій новый цвѣточекъ его очень радовалъ. Съ первыми яркими лучами солнца весна незамѣтно развернулась и наполнила воздухъ благоуханіемъ. Съ утра до вечера въ саду и передъ домомъ раздавались голоса прилетныхъ пѣвчихъ птичекъ. Чуткая душа въ общеніи съ весенней природой восторгалась и не давала засиживаться въ комнатахъ: Николай Михайловичъ то уѣзжалъ въ лѣсъ, то разгуливалъ по усадьбѣ и сильно

сожалѣлъ, что съ нимъ нѣтъ ни Роборовскаго, ни меня, чтобы полнѣе радоваться и полнѣе жить жизнью природы, какъ въ путешествіи. Въ письмахъ къ обоимъ намъ онъ старался сообщить обо всемъ, но главнымъ образомъ о развитіи сада, объ охотахъ, поддерживая въ насъ энергію къ усидчивымъ занятіямъ наукой.

„Какъ ты устроилъ свои занятія? спрашивалъ онъ товарища. Зубри съ утра до вечера, иначе не успѣешь приготовиться. Не отступай передъ трудностями поступленія въ академію, въ этомъ вся твоя будущность“.

„Воображаю, писалъ онъ мнѣ, какъ тебѣ бываетъ грустно при хорошей погодѣ. Но, нечего дѣлать, нужно покориться необходимости. Твоя весна еще впереди, а для меня уже близится осень. Пожалуйста, не часто пиши, лучше учись къ экзамену, послѣ же экзамена пиши каждую недѣлю“.

„Не взыщите за то, сообщалъ Пржевальскій супругѣ брата Владиміра Михайловича, что пишу только о тетеревахъ и вальдшнепахъ. Больше отсюда писать не о чемъ. Сейчасъ опять ѣду въ лѣсъ на ночевку“.

„Среди лѣсовъ и дебрей смоленскихъ, говорилъ онъ одному изъ петербургскихъ друзей, я жилъ все это время жизнью экспедиціонною, рѣдко когда даже ночевалъ дома — все въ лѣсу, на охотѣ за глухарями, рябчиками и т. п. Вздохнулъ свободно и отошелъ послѣ петербургской суматохи. На-дняхъ (половина апрѣля 1886 года) примусь за писаніе отчета“...

Такимъ образомъ дни за днями проходили въ Слободѣ мирно и спокойно. Большимъ развлеченіемъ служила почта, по временамъ приносявшая массу писемъ со всѣхъ концовъ Россіи: Кяхты, Кашгара, Вѣрнаго, Тифлиса и проч. Мнѣ и Роборовскому Николай Михайловичъ писалъ, что до осени никуда не поѣдетъ изъ Слободы, а въ концѣ лѣта будетъ для него праздникъ, когда мы прибудемъ къ нему на отдыхъ. Обстоятельства, однако, сложились такъ, что приѣздъ Пржевальскаго въ столицу состоялся ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Двадцатаго мая онъ получилъ телеграмму, вызывавшую его въ Петербургъ для присутствованія въ особомъ комитетѣ по обсужденію принятія мѣръ на случай войны съ Китаемъ. Захвативъ съ собою только-что составленную имъ записку, подъ заглавіемъ: „Новыя соображенія о войнѣ съ Китаемъ“, Пржевальскій явился на совѣщаніе во всеоружіи. „Вообще на совѣщаніяхъ, говорилъ онъ намъ, длившихся часа по четыре, мое торжество было полное. Мой отчетъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Оппоненты, конечно, были, но они слабы своимъ незнаніемъ...“.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Петербургѣ, Пржевальскій узналъ, что въ началѣ мая, въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ читалось слѣдующее заявленіе: „Экспедиція Николая Михайловича Пржевальскаго въ Центральную Азію составляютъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ исторіи ученыхъ путешествій вообще. Первымъ изъ европейцевъ нашъ знаменитый путешественникъ проникъ въ самый центръ высокой нагорной Азіи и познакомилъ насъ съ мѣстностями, извѣстными до него, и то лишь отчасти, только по скуднымъ китайскимъ источникамъ. Тамъ онъ произвелъ цѣлый рядъ крайне важныхъ открытій и изслѣдованій, вполнѣ оцѣненныхъ какъ у насъ, такъ и за границею и поставившихъ имя его на-ряду съ именами знаменитѣйшихъ путешественниковъ всѣхъ временъ и народовъ.“

„Но Н. М. Пржевальскій отнюдь не довольствовался чисто географическими изслѣдованіями, какъ большинство другихъ путешественниковъ, а во всѣхъ четырехъ совершенныхъ имъ экспедиціяхъ собиралъ также и естественно-историческія коллекціи. Добытые имъ изумительно богатые зоологическіе и ботаническіе матеріалы дали намъ возможность опредѣлить составъ и характеръ фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ мы до него, въ этомъ отношеніи, не имѣли ни малѣйшаго представленія.“

„Какъ извѣстно, зоологическія коллекціи Н. М. Пржевальскаго принесены имъ въ даръ Академіи и составляютъ безусловно самое важное и существенное обогащеніе, когда-либо поступившее въ нашъ музей. Въ виду этого, Академіи надлежитъ выразить неутомимому путешественнику особенную признательность и выбить въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изобразить портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: „*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*“, а на оборотѣ слова: „*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи 1886 г.*“, окруженная лавровымъ вѣнкомъ“.

Только теперь разъяснилось загадочное письмо академика Штрауха, и то, для какой цѣли онъ просилъ Пржевальскаго прислать въ академію его фотографическій портретъ, снятый въ профиль...

Восьмого іюля Николай Михайловичъ опять уѣхалъ въ Слободу и вскорѣ съ увлеченіемъ предался лѣтней охотѣ.—Въ жаркую погоду писать невозможно, говорилъ онъ; вплотную я засяду только осенью. Послѣ питерской каторги, теперь отдыхаю въ деревнѣ и ни за что никуда не поѣду до глубокой осени.

Московскій докторъ Остроумовъ, къ совѣту котораго Пржевальскій вынужденъ былъ обратиться изъ-за неожиданной болѣзни

ногъ, объявилъ ему, что онъ боленъ отъ избытка здоровья.—Вашъ организмъ работаетъ отлично, говорилъ докторъ, но мускульнаго употребленія мало, и избытокъ отлагается въ жиръ въ животѣ. Этотъ жиръ затрудняетъ кровообращеніе и увеличиваетъ вѣсъ тѣла—оттого и опухоль ногъ. Николаю Михайловичу предписана была діета и купанье два раза въ день.

— Обидно, говорилъ онъ, что квасъ и усладеньки запрещены... можно лишь пить клюквенный морсъ безъ сахара не болѣе восьми стакановъ въ сутки...

На приглашеніе родныхъ прокатиться въ ихъ подмосковную усадьбу, Пржевальскій отвѣчалъ: „Много благодаренъ за ваше любезное предложеніе, жаль только, что мнѣ трудно имъ воспользоваться. Къ Слободѣ я весьма привыкъ, одиночество меня нисколько не стѣсняетъ, охота вокругъ отличная, мѣсто дикое. Словомъ, налицо все, что для меня требуется. Діету я держу по возможности, купаюсь ежедневно два раза. Что касается до опухоли ногъ, то эту опухоль вѣроятно вылечить только пустыня, какъ то и было въ минувшую мою экспедицію. Какъ вольной птицѣ трудно жить въ клеткѣ, такъ и мнѣ не ужиться среди „цивилизациі“, гдѣ каждый человекъ, прежде всего, рабъ условій общественной жизни. Но просторъ въ пустынѣ—вотъ о чемъ я день и ночь мечтаю. Дайте мнѣ горы золота, я за нихъ не продамъ своей дикой свободы... Еще разъ искренно благодарю за вниманіе. По временамъ, ласки пріятны и дикому звѣрю“.

Осенью, въ ноябрѣ, Николай Михайловичъ, какъ и предполагалъ, оставилъ Слободу и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ узналъ, что Императорская германская академія естественныхъ и медицинскихъ наукъ избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а Императорское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ—своимъ почетнымъ членомъ. Но самымъ великимъ днемъ для нашего путешественника былъ день 29 декабря 1886 года—день годового торжественнаго собранія Императорской Академіи Наукъ, въ которой ему была поднесена Академіей золотая медаль его славнаго имени...

„Есть счастливыя имена, сказалъ непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общезвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Я не думаю, чтобы на всемъ необъятномъ пространствѣ земли русской нашелся хоть

одинъ околько-нибудь образованный человѣкъ, который бы не зналъ, что это за имя. Тѣмъ менѣе имѣю я надобность, скажу даже, право, говорить о значеніи Пржевальскаго здѣсь передъ вами. Да и что я могъ бы сказать для васъ новаго, вамъ неизвѣстнаго, даже если бы мнѣ приходилось въ пространной рѣчи развернуть передъ вами длинную одиссею этихъ многолѣтнихъ, нескончаемыхъ, опасныхъ странствованій, по необозримымъ протяженіямъ неизвѣданныхъ еще странъ, гдѣ только одна непреклонная воля, находчивость и отвага помогли путешественнику одолѣть всѣ препятствія, какими на каждомъ шагу преграждали ему путь то силы природы,—высочайшіе на землѣ хребты горъ, съ ихъ холодомъ и бурями, или безбрежныя безлюдныя пустыни, со всѣми ихъ азіатскими ужасами—удушливымъ зноемъ, безводіемъ, ураганами,—то, наконецъ, еще болѣе опасныя преграды—невѣжество, подозрительность и враждебность туземцевъ, а невѣжество есть также сила и даже очень большая, часто неодолимая. Были минуты и не разъ, когда при столкновеніи съ этою силою, одна смѣлость путешественника спасала его отъ вѣрной смерти, и я увѣренъ, что богатырски отставая себя въ этихъ случаяхъ, онъ не столько думалъ о спасеніи самого себя, сколько объ охраненіи тѣхъ научныхъ сокровищъ, носителемъ которыхъ онъ былъ въ то время. Да, всѣ лишенія, претерпѣнныя нашимъ путешественникомъ, всѣ опасности—погибнуть въ неравной борьбѣ съ силами природы или сложить свою голову гдѣ-нибудь въ глухой пустынѣ, подъ ножомъ какого-нибудь темнаго азіатца—были жертвами, цѣною которыхъ куплены неисчерпаемыя богатства для науки.

„Эти богатства, зоологическія и ботаническія, составлявшія сами по себѣ цѣлый музей, были подарены имъ музеемъ Академіи наукъ и Императорскому Ботаническому саду. Въ нихъ находится неисчерпаемый источникъ для изученія фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ до Пржевальскаго ученые не имѣли ни малѣйшаго представленія.

„Не смѣю поддаваться искушенію говорить долѣе о такой заманчивой темѣ, какъ заслуги Николая Михайловича. Я обязанъ быть краткимъ и потому скажу только, что имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ—безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ. Поднося ему сегодня выбитую въ честь его медаль, Академія желала какъ бы приложить свою скрѣпку къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великости услугъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, трудно доступныхъ, пространствахъ земного шара“.

— Вотъ прекрасный некрологъ для меня и готовъ, повторялъ Пржевальскій подь сильнымъ впечатлѣніемъ этой рѣчи; теперь я знаю, что скажутъ послѣ моей смерти...

Быстро прошла зима, наступила весна, а съ нею открылась и выставка коллекцій Николая Михайловича. Въ день открытія, выставку посѣтила царская семья. Августѣйшіе гости провели въ ея обзорѣніи свыше часа времени, при чемъ Императоръ Александръ III нѣсколько разъ благодарилъ Пржевальскаго. Вскорѣ затѣмъ, Николай Михайловичъ получилъ возможность уѣхать въ деревню, чтобы тамъ продолжать описаніе четвертаго путешествія.

Лѣтомъ, 1887 года, въ Слободѣ былъ оконченъ, находившійся въ постройкѣ новый домъ съ мезониномъ, внизу котораго было шесть комнатъ съ прочною мебелью, заказанною въ Петербургѣ. Въ гостиной стоялъ, въ видѣ чучела, тибетскій мишка, державшій въ переднихъ лапахъ подносъ, на которомъ обычно складывались соблазнительныя яблоки и сливы... Надъ медвѣдемъ висѣла превосходная акварель, исполненная другомъ хозяина, А. А. Бильдерлингомъ, и представлявшая возвращеніе Николая Михайловича съ охоты на Лобъ-Норѣ съ богатою добычею ¹⁾. На другихъ стѣнахъ были развѣшаны портреты съ надписями—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, и нѣсколько фотографій самого владѣльца изъ разныхъ эпохъ его жизни. Въ столовой вдоль стѣнъ красовались художественно исполненныя чучела азіатскихъ фазановъ и голова рогатой красавицы—тибетской антилопы оронго... а въ кабинетѣ, по стѣнамъ, висѣли карты Азіи и хранилось одно бронзовое изваяніе Будды на алмазномъ престолѣ; въ кабинетѣ же, подлѣ письменнаго стола, въ углу, стоялъ шкафъ для ружей, содержащихся въ образцовомъ видѣ... Возлѣ кабинета была спальня съ могучею оттоманкою-кроватью и матрацомъ изъ хвостовъ дикаго яка.

— Такого матраца нѣтъ ни у кого изъ царей, говорилъ Николай Михайловичъ.

Во второмъ этажѣ было три комнаты, изъ которыхъ въ одной находилась большая бібліотека съ книгами преимущественно по географіи и естествовѣдѣнію Азіи.

¹⁾ Послѣ смерти Н. М. Пржевальскаго акварельный портретъ этотъ былъ возвращенъ его автору—барону генералу Бильдерлингу, который по прибытіи моемъ изъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи подарилъ его мнѣ, при письмѣ: „вамъ, какъ ученику и достойному послѣдователю Николая Михайловича, портретъ этотъ можетъ служить пріятнымъ воспоминаніемъ“.

Дверь изъ гостиной вела черезъ обвитую дикимъ виноградомъ террасу въ садъ, въ которомъ, между прочимъ, росли кусты дикаго ревеню, привезенные изъ Гань-су, въ грунтовомъ сараѣ—сливы, въ парникахъ—хотанскіе арбузы и дыни, въ грядкахъ—всевозможныя ягоды... Многія яблони носили имена или самого владѣльца или его друзей-спутниковъ, смотря по тому, кто изъ насъ сажалъ ихъ. Въ саду были дорожки, которыя посыпались пескомъ и вообще содержались въ порядкѣ только ради гостей, въ знакъ вниманія къ нимъ; самъ же Николай Михайловичъ по большей части не признавалъ дорожекъ и ходилъ напрямикъ...

Въ глубинѣ сада находилась „знаменитая хатка“, состоявшая изъ трехъ маленькихъ комнатъ. Въ этой хаткѣ, какъ то и было замѣчено выше, Пржевальскій написалъ свои двѣ послѣднія книги. Среди природы работалось какъ-то лучше, дышалось свободнѣе. Завѣтною мечтою владѣльца Слободы было развести зелень у самаго дома такъ, чтобы всю весну пѣли соловьи. И когда онъ этого достигъ, то былъ страшно счастливъ. Едва бывало соловей подастъ вечерній голосъ, какъ Николай Михайловичъ оставлялъ работу, садился у окна и погружался въ думы... Воображенію его рисовались уголки Гань-су, красавецъ Тэтунгъ и его пернатые обитатели... Я неоднократно заставалъ его въ такомъ видѣ, и всегда Николай Михайловичъ замѣчалъ мнѣ: „вѣдь я здѣсь только тѣломъ, духъ же мой постоянно витаетъ въ Азіи“...

.... „Видъ изъ дома на озеро и лѣсъ великолѣпный, писалъ Пржевальскій своему другу-родственнику, у самаго балкона ключевой прудъ; кругомъ садъ, очень хорошій для здѣшнихъ мѣстъ. На-дняхъ я купилъ въ Смоленскѣ еще грунтовый сарай, — изъ сливъ и вишенъ. Новый домъ законченъ и удачно обставленъ. Не думайте только, что я желаю уже осѣсться,—нѣтъ, до этого, я полагаю, еще далеко“.

Въ тайникѣ души Николай Михайловичъ мечталъ о „блаженной минутѣ“ новаго путешествія, о той минутѣ, которая могла наступить только по окончаніи описанія четвертаго путешествія, а оно подвигалось „черепашьимъ шагомъ“...—„Какъ вы думаете, спрашивалъ онъ консула въ Кашгарѣ, можно ли безъ приключеній пройти черезъ Кашгаръ, Яркендъ, въ Хотанъ и Лобъ-Норъ, а оттуда въ Тибетъ, отрядомъ человекъ въ тридцать. По-моему, китайцы нарочно вызовутъ столкновеніе, чтобы затормозить путь въ Тибетъ... Идти изъ Кяхты несравненно надежнѣе, за то нужно даромъ тащиться черезъ Гоби. Обо всемъ этомъ я спрашиваю такъ себѣ, на всякій случай“.

Такъ разсуждалъ Пржевальскій весною, а осенью уже болѣе опредѣленно говорилъ: „Хочу еще разъ сходить въ Тибетъ, хочу посмотрѣть Далай-Ламу. Нужно двадцать-тридцать стрѣлковъ и головой ручаюсь, что буду въ Лхасѣ. Пусть попробуютъ туда сходить синологи, съ своею китайскою грамотою и плаксивыми проповѣдями мира“.

Какъ разъ въ это время, послѣ окончанія училища, я гостилъ у Николая Михайловича. Здѣсь меня ожидалъ чудный подарокъ—ружье-дробовикъ, изготовленное по заказу въ Вѣнѣ. Нѣжный сердцемъ, обаятельный душою, отецъ-другъ—Пржевальскій встрѣтилъ меня самымъ удивительнымъ образомъ. Никогда я не забуду счастливыхъ минутъ, когда „слободская“ тройка подкатила меня къ крыльцу новаго дома, гдѣ, ориентировавшись по колокольчику подъ дугой, уже стоялъ радушный хозяинъ. На лицѣ Николая Михайловича играла очаровательная улыбка... Весь его штатъ—няня Макарьевна, управляющій Денисовъ, гренадеры-охотники, даже дворовый поваръ Архипъ—всѣ эти хорошіе люди находились тутъ же, и всѣ они такъ же улыбались и такъ же крѣпко обнимали меня, какъ и самъ Николай Михайловичъ. Прежде нежели войти въ домъ, Пржевальскій повелъ меня къ вѣсамъ, опредѣлилъ мой вѣсъ, отмѣтилъ цифру въ своей памятной книжкѣ, чтобы потомъ, передъ отъѣздомъ сдѣлавъ то же самое, знать результатъ пребыванія гостя въ Слободѣ. Только потомъ, взявъ подъ руку, Николай Михайловичъ повелъ меня въ домъ, на верхъ, въ „мою“ комнату, „чтобы привести себя въ порядокъ“. Затѣмъ, мы спустились внизъ—въ кабинетъ, гдѣ невольно остановились у шкафа съ оружіемъ. Николай Михайловичъ или „Пшева“, какъ я часто называлъ его, заставилъ меня взять въ руки, „поздороваться“ сначала съ штуцеромъ Ланкастеромъ, потомъ съ дробовикомъ Пёрде, тѣмъ и другимъ прицѣлиться или приложиться. „Вотъ, иносказательно замѣчаетъ Пржевальскій, „Лянъ“ (сокращенное Ланкастеръ) скучаетъ по тибетскимъ медвѣдямъ и дикимъ якамъ, и зоветъ меня опять *туда*. Пожалуй, пойдёмъ, какъ ты думаешь?—Я, улыбаясь, тихо произнесъ: „конечно пойдёмъ!“ Изъ кабинета, черезъ гостиную, проходимъ въ столовую, гдѣ насъ ожидаютъ всякаго рода заѣдочки, усладеньки, запивочки... Говоримъ не наговоримся... при видѣ чучель голубого фазана, зеленого всэре, вспоминаемъ Гань-су, Тэтунгъ; при видѣ оронго—Тибетъ... А виды въ окна манятъ въ садъ. Вотъ терраса, вотъ прудъ, вотъ родная хатка, а вотъ и холмъ съ знаковыми березами, подъ сѣнью которыхъ мы столько разъ подолгу

засиживались, любясь на открытыя воды озера Сопша и на за-озерный лѣсъ, убѣгавшій вдаль темной синевою...

Дыша полной грудью, я скоро опьянѣлъ отъ здороваго деревенскаго воздуха, слободская же тишина и дружеское общеніе съ Пржевальскимъ очаровали мою душу... я долго не могъ заставить себя уйти съ холма, а между тѣмъ на землю спустилась ночь, небо заискрилось звѣздами...—А помнишь ли, Кязо, заговорилъ вдругъ Николай Михайловичъ, тотъ вечеръ, который рѣшилъ твою судьбу, тотъ вечеръ — когда ты одинъ сидѣлъ на крыльцѣ пашеткинскаго домика и любовался небомъ; помнишь ли, какъ я, проходя тогда въ свою хатку, спросилъ тебя: „чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?“ а ты отвѣтилъ мнѣ: „любуюсь красотой неба, которое тамъ у васъ, въ Азіи, должно быть еще чище, еще прозрачнѣе!... Тотъ вечеръ ты долженъ помнить: въ тотъ вечеръ твоя душа открылась мнѣ, и я узналъ въ тебѣ своего будущаго спутника—родную, близкую душу“. Мечты наши далеко унеслись по пространству и по времени и еще сильнѣе манила насъ къ себѣ наша *завѣтная* даль...

Въ ближайшіе дни я объѣхалъ всѣ знакомыя красивыя окрестности, но по-прежнему самымъ любимымъ моимъ мѣстомъ оставалась Чортова гряда, открывавшая во всю ширь Слободское озеро. За все время моего пребыванія въ Слободѣ стояла пріятная—ясная погода, давшая возможность отлично поохотиться и на рѣкѣ и въ лѣсу „съ загономъ“. Въ тѣ дни, когда Николай Михайловичъ сидѣлъ за писаніемъ книги, я приводилъ въ порядокъ и разставлялъ въ шкафы его интересную библіотеку. Такимъ образомъ незамѣтно промелькнуло время моего отпуска, за которое я хорошо отдохнулъ, еще лучше поправился и прибылъ въ вѣсѣ, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе гостепріимному хозяину. Теперь я долженъ былъ ѣхать къ мѣсту новой службы въ Москву, и ждать оффиціального назначенія въ составъ пятой экспедиціи Пржевальскаго...

Разставаніе со Слободой было самое трогательное: рѣдкій родной отецъ такъ сердечно, съ такою горячею любовью напутствуетъ и провожаетъ своего сына, какъ напутствовалъ и проводилъ меня мой незабвенный учитель...

Самъ Николай Михайловичъ засидѣлся въ Слободѣ до полнаго окончанія книги, — до марта 1888 года, когда прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же представилъ совѣту Императорскаго Географическаго Общества программу своего будущаго *пятого* путешествія и на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ. Срокомъ для путешествія онъ назначалъ два года и исходнымъ пунктомъ для

Прапорщикъ
Николай Михайловичъ
Пржевальскій.

окончательнаго снаряженія экспедиціи—городъ Караколь въ Семирѣчьи. Отсюда, осенью 1888 года, онъ предполагалъ двинуться черезъ Тянь-Шань на Аксу и по Хотанской рѣкѣ въ Хотанъ; далѣе, черезъ Карію и Черченъ въ Гасъ, гдѣ рассчитывалъ устроить складъ, подъ охраною семи или восьми казаковъ. Весна и лѣто 1889 года назначались для изслѣдованія сѣверо-западнаго Тибета, къ югу и юго-западу отъ Гаса. Возвратившись затѣмъ къ складу, обновивъ запасы и перемѣнивъ вьючныхъ животныхъ, онъ располагалъ раннею осенью двинуться къ Лхасѣ.

„Если, писалъ Пржевальскій, пріемъ намъ будетъ радушный,—пойдемъ изслѣдовать восточную тибетскую провинцію Камъ. Если же встрѣтимъ въ Лхасѣ недружелюбіе, то придется возвратиться отсюда тѣмъ или другимъ путемъ въ Цайдамъ, куда зимою 1889—90 гг. перейдетъ изъ Гаса и нашъ складъ. Весна и лѣто 1890 года будутъ тогда посвящены, смотря по обстоятельствамъ, или изслѣдованіямъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ или въ Тибетѣ западномъ, по направленію къ Ладаку. Позднею осенью того же 1890 года путешествіе, вѣроятно, закончится“.

Такова была, въ общихъ чертахъ, программа новаго путешествія, на расходы которой, сверхъ получаемаго по службѣ содержанія, исчислялось около пятидесяти тысячъ рублей. Въ составъ экспедиціи назначались: поручикъ Роборовскій, пишущій эти строки—подпоручикъ Козловъ, шесть нижнихъ чиновъ изъ Московскаго военнаго округа, пять человѣкъ солдатъ и казаковъ изъ Забайкалья и тринадцать стрѣлковъ и казаковъ изъ Туркестана.

Получивъ разрѣшеніе предпринять новое путешествіе, Пржевальскій сталъ дѣятельно готовиться къ отъѣзду и прежде всего торопился окончаніемъ печатанія своей книги, а затѣмъ обезпеченіемъ изданія научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій, за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. „При этомъ, писалъ онъ, рѣшаюсь высказать свое личное желаніе о томъ, дабы деньги, вырученныя отъ продажи предполагаемаго изданія, были обращены въ капиталъ моего имени, устроенный съ Высочайшаго соизволенія, при Академіи Наукъ, для зоологическихъ цѣлей“.

Выяснивъ эти вопросы и сознавая въ глубинѣ души, что опубликованіемъ своихъ научныхъ результатовъ экспедиціи онъ всецѣло обязанъ покровительству Государя Наслѣдника Цесаревича, Николай Михайловичъ считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству, и просилъ военнаго министра ходатайствовать предъ Государемъ Императо-

ромъ о дозволеніи посвятить Государю Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи.

Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издана, подъ заглавіемъ: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе стѣврной окраины Тибета, и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима“.

Между тѣмъ вѣсть о новой экспедиціи Пржевальскаго облетѣла весь Западъ. Встревоженные лондонскія газеты указывали на странное, по ихъ мнѣнію, совпаденіе этого путешествія съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій между Англійей и Тибетомъ, при чемъ представляли на видъ, что такъ какъ политика всѣхъ азіатскихъ дворовъ основана отчасти на соперничествѣ между Англійей и Россіей, то въ Тибетѣ уже начинаютъ обнаруживаться симпатіи къ послѣдней. Газеты эти присовокупляли, что азіатская политика Россіи всегда искусно умѣла пользоваться проявляющимся въ азіатскихъ народахъ сочувствіемъ къ Россіи, а потому весьма возможно, что экспедиція Пржевальскаго имѣеть цѣлью именно поощреніе тибетцевъ къ сопротивленію Англійи...

Но самая главная задержка была устроена китайцами, долгое время не соглашавшимися выдать экспедиціи паспортъ.

Все это крайне беспокоило Пржевальскаго, и онъ рѣшился идти на проломъ. ...„Я готовъ идти въ Тибетъ, говорилъ онъ, и безъ китайскаго паспорта, если получу на то Высочайшее соизволеніе. Двинуться въ путь необходимо, по мѣстнымъ условіямъ, предстоящею осенью, въ видахъ чего снаряженіе экспедиціи почти все уже заготовлено. Кромѣ того, объ этомъ путешествіи уже заявлено не только въ нашей, но и въ заграничной печати“...

Къ счастью, энергичное настояніе нашего посланника въ Пекинѣ сдѣлало свое дѣло, и китайское министерство согласилось, наконецъ, выдать Пржевальскому паспортъ на путешествіе въ Тибетъ, но только съ конвоемъ не болѣе шестнадцати человѣкъ. Впрочемъ, маркизь Цянгъ присовокупилъ, что увеличеніе состава экспедиціи можетъ быть сдѣлано прибавкою людей подъ кличкою прислуги или препараторовъ, переводчиковъ и проч.

Собираясь въ новый далекій путь, Пржевальскій не выказывалъ уже того увлеченія, которымъ сопровождался обыкновенно

прежніе его отъѣзды изъ Петербурга.—„Умно Иринчиновъ ¹⁾ сдѣлалъ, говорилъ онъ, что не идетъ въ путешествіе. Онъ умнѣе въ этомъ случаѣ меня; нравственно я тоже чувствую себя слабымъ, усталымъ, хотя физически крѣпокъ“.

Николаю Михайловичу было тяжело оставить свою няню и Слободу, къ которой онъ сильно привязался. „Поѣдемъ въ экспедицію въ половинѣ августа, писалъ онъ своему управляющему, Макарьевнѣ передайте какъ-нибудь помягче о томъ, что я ѣду на два года. Увѣрьте ее, и это совершенно справедливо, что въ это время здѣсь можетъ быть война, такъ что мнѣ въ пустыняхъ Азіи будетъ безопаснѣе. Нужно только какъ-нибудь обставить Макарьевну, чтобы она не скучала. Расходы я для этого сдѣлаю, какіе угодно. Пусть откуда хочетъ выпишетъ себѣ подругу, или возьметъ кого-либо изъ родственникововъ,—я на все согласенъ, лишь бы моя любимая старуха могла жить спокойно. Затѣмъ, на васъ я вполнѣ надѣюсь; откровенно говорю, что туго я привязываюсь къ человеку, за то эта привязанность бываетъ прочная“.

Въ іюлѣ Пржевальскій въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ свою любимую Слободу, составилъ инструкцію для управляющаго и сдѣлалъ послѣднія хозяйственныя распоряженія. Въ это время, къ его большому огорченію, заболѣла Макарьевна воспаленіемъ почекъ,—болѣзнию весьма серьезною и не дававшую надежды на выздоровленіе. Это обстоятельство очень сильно печалило Николая Михайловича, и онъ тѣмъ болѣе сокрушался, что долженъ былъ оставить ее въ такомъ видѣ передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе. На пятое августа назначенъ былъ отъѣздъ изъ Слободы.

Николай Михайловичъ грустилъ и видимо не торопился ѣхать. Вставъ ранѣе обыкновеннаго, онъ наскоро напился чаю и распорядился о завтракѣ. Вскорѣ пріѣхали сосѣди попрощаться и проводить отъѣзжающаго; собрались также всѣ служащіе, не исключая и рабочихъ. Не сказавъ никому ни слова, съ опущенной головой, Николай Михайловичъ вышелъ черезъ террасу въ садъ, побывалъ въ любимой хаткѣ, обошелъ всѣ знакомыя мѣста, порою останавливался, словно прощался съ родной слободскою природою: на глазахъ его были слезы...

¹⁾ Урядникъ Иринчиновъ—заслуженный спутникъ Н. М. Пржевальскаго, принимавшій участіе во всѣхъ его четырехъ экспедиціяхъ въ Центральной Азіи. На этотъ разъ Иринчиновъ не рѣшился идти въ путешествіе, чувствуя себя слабымъ и сознавая, что если отправится съ экспедиціей, то домой не вернется.

Собравъ всѣхъ насъ—спутниковъ, онъ отправился къ больной нянѣ; тяжелыя, горькія рыданія огласили комнату...—Въ послѣдній разъ!.. еказала со вздохомъ старушка и смолкла... На исхудаломъ пожелтѣвшемъ лицѣ перемѣщались судороги; сухія губы какъ-то произвольно двигались, влажные глаза скользили по нашимъ лицамъ... Прощаясь съ нянею, Николай Михайловичъ горько плакалъ и просилъ ее себя благословить.

Еще болѣе грустнымъ вернулся онъ къ себѣ въ домъ и прямо прошелъ въ кабинетъ. Чтобы хоть немного успокоить его, вслѣдъ за нимъ направился г. Денисовъ, обѣщая все, что не будетъ превышать его силъ, исполнить въ точности и слѣдовать его приказаніямъ.

— На счетъ Слободы я спокоенъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ; но меня больше всего печалитъ то, что моя любимая няня должна умереть безъ меня.

Завтракъ прошелъ въ самомъ грустномъ, подавленномъ настроеніи. Перецѣловавъ всѣхъ присутствующихъ, Николай Михайловичъ снова вышелъ на террасу и на одной изъ колоннъ краснымъ карандашомъ написалъ: „5 августа 1888 г. До свиданія, Слобода. Н. Пржевальскій. Затѣмъ подозвалъ всѣхъ насъ, чтобы и мы по-старшинству подписались—В. Роборовскій, П. Козловъ, Телешовъ, Нефедовъ...

Сѣвъ въ телѣжку, Пржевальскій тронулся въ путь, и когда Слободское озеро стало уходить изъ глазъ, онъ всталъ, обернулся назадъ и сказалъ: „ну, теперь прощай, мое озеро!“ Съ дубовыхъ же вѣтокъ, спускавшихся надъ экипажемъ, онъ сорвалъ два слободскихъ желудя и, бережно завернувъ въ бумажку, спряталъ ихъ къ себѣ въ дорожную сумочку...

— День этотъ, говорилъ Николай Михайловичъ, былъ для меня такой тяжелый, какихъ я, кажется, еще не испытывалъ въ своей жизни. Приходилось прощаться съ Макарьевной, безъ надежды когда-либо ее увидѣть.

„Никогда онъ не плакалъ такъ при разставаніи съ нами, говоритъ и его племянникъ Владиміръ Владиміровичъ Пржевальскій—теперешній владѣлецъ Слободы, какъ послѣдній разъ; онъ сталъ прощаться и первый заплакалъ. Вѣроятно, тяжелое предчувствіе давило ему сердце“...

Вообще, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Пржевальскій не былъ похожъ на прежняго Пржевальскаго. Онъ каждый разъ сердился, когда мы, его спутники, говорили между собою, что будемъ дѣлать по возвращеніи въ Слободу.—Развѣ объ этомъ можно говорить,

замѣчалъ онъ, развѣ вы не знаете, что жизнь каждаго изъ насъ не одинъ разъ будетъ висѣть на волоскѣ. Еще будучи лѣтомъ въ Петербургѣ и сидя вдвоемъ въ Столярномъ, Николай Михайловичъ строго сказалъ мнѣ: „вотъ попомни мое слово—не добромъ кончится наша экспедиція!“... Тогда я конечно не обратилъ на эти слова никакого вниманія, а черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца пророчество ихъ сбылось...

Въ среду, десятаго августа, Пржевальскій имѣлъ счастье представиться въ Петергофѣ Государю Императору и поднести свою книгу: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“... „Пріемъ былъ такой милостивый, говорилъ онъ, о какомъ я и не воображалъ. Меня провожали и напутствовали, какъ родного. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ просилъ писать ему и вообще чаще давать знать о себѣ и экспедиціи“.

Восемнадцатаго августа, провожаемый самымъ тѣснымъ кружкомъ друзей, Николай Михайловичъ въ послѣдній разъ оставилъ Петербургъ. Уже на ходу, въ открытое окно, онъ проронилъ орнитологу Ѡ. Д. Плеске: „Если меня не станетъ, то обработку птицъ поручаю вамъ“. Поѣздъ быстро скрылся, и путешественники остались одни. На глазахъ Николая Михайловича замѣтны были слезы.— „Что же! надо успокоиться, говорилъ онъ, какъ бы оправдываясь въ небываломъ явленіи, ѣдемъ на свободный, пріятный, славный трудъ. Теперь мы вооружены прекрасно, и жизнь наша дешево не достанется; умереть же за славное дѣло—пріятно!“

Въ Москвѣ была получена телеграмма на мое имя о кончинѣ няни Пржевальскаго Макарьевны. „Роковая вѣсть, писалъ онъ Е. С. Денисову, о смерти Макарьевны застала меня достаточно уже подготовленнымъ къ такому событію. Но все-таки тяжело, очень тяжело. Вѣдь я любилъ Макарьевну, какъ мать родную... Тѣмъ дороже для меня была старуха, что и она любила меня искренно... Прощай, прощай, дорогая—такъ скажите отъ меня на ея могилѣ.“

„Оставьте для меня чашку и блюдо, изъ которыхъ Макарьевна пила чай, и еще что-нибудь изъ ея вещей на память. Книгу, посланную Макарьевнѣ, положите въ мою бібліотеку“...

...„Горе, которое стряслось надо мною, писалъ онъ двѣ недѣли спустя, я не забылъ еще до сихъ поръ. Нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнишь о Макарьевнѣ. На похороны ея я не поѣхалъ только потому, что не могъ, по чувству долга, отложить свой отъѣздъ изъ Москвы въ путешествіе. Съ другой стороны, эта вторая поѣздка въ Слободу,

навѣрное, повліяла бы на мое здоровье болѣе, чѣмъ все путешествіе, чего я также не имѣлъ права допустить надъ собою“.

Двадцать четвертаго августа экспедиція выѣхала изъ Москвы. „Въ четыре часа, записалъ Пржевальскій въ дневникъ, почтовый поѣздъ Нижегородской дороги повезъ меня въ „пятое“ путешествіе въ Центральной Азіи. Радость великая!.. Опять впереди свобода и дѣло по душѣ... Но для успѣха его необходимо прежнее счастье, которое да не отвернется нынѣ отъ меня“...

На слѣдующій день мы пересѣли на пароходъ „Фельдмаршалъ Суворовъ“ и поплыли „внизъ по матушкѣ Волгѣ“... Погода стояла превосходная, въ особенности по вечерамъ, когда мы долго засиживались на палубѣ, бесѣдуя то о Слободѣ, то объ Азіи. Азія навѣвала развлеченіе, Слобода же и смерть Макарьевны повергали въ тяжелое раздумье.—„Дай-ка ты мнѣ твою руку“, обращаясь ко мнѣ, говорилъ Николай Михайловичъ, „я посмотрю на ней линіи; ты вѣдь знаешь, что мнѣ сказалъ Л. К. Артамоновъ—„жизнь моя коротка“, а твоя... твоя длиннѣе моей... Завидую я твоей молодости... А что, если меня не станетъ, пойдешь ли ты съ кѣмъ-нибудь или нѣтъ?“ На этотъ вопросъ, много разъ предложенный мнѣ Николаемъ Михайловичемъ, я не въ состояніи былъ отвѣтить и не отвѣтилъ, а онъ продолжалъ:—„искренняго друга трудно найти, а безъ искренняго друга не надо пускаться... А я, увидишь, долго не проживу, а ужъ если умирать, то я желалъ бы не дома, а гдѣ-либо въ путешествіи—въ горахъ или на берегу большого озера“...

Оставивъ Волгу и Каспійское море, мы покатали по Закаспійской желѣзной дорогѣ и седьмого сентября прибыли въ Самаркандъ. Эта новая дорога произвела на Пржевальскаго отрадное впечатлѣніе. „Словно въ сказкѣ, писалъ онъ Ѡ. А. Фельдману, несешься въ вагонѣ по сыпучимъ пескамъ, или по безплодной и безводной равнинѣ. Послѣ первой ночи ѣзды отъ Каспія является Кизыль-Арватъ, къ вечеру того же дня Асхабадъ, на-завтра утромъ Мервъ и т. д. до Самарканда. Черезъ Аму-Дарью переброшенъ мостъ, который, правда, трещитъ и колышется, но тѣмъ не менѣе поѣздъ проходитъ благополучно изъ Туркменіи въ бухарскіе предѣлы. Вообще Закаспійская дорога—созданіе смѣлое и съ большимъ значеніемъ въ будущемъ и въ своемъ цѣломъ заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ“...

Въ Самаркандѣ экспедиція остановилась въ домѣ инженера Н. И. Толпыго—своднаго брата Пржевальскаго, который, зная привычки Николая Михайловича, позаботился пріютить и размѣстить

всѣхъ насъ самымъ наудобнѣйшимъ образомъ. Главное, домъ былъ въ саду и затѣненъ высокими и развѣсистыми деревьями абрикосовъ... Городского шума не было слышно, улицы поливались, дышалось легко. Заѣдочекъ и усладенекъ, въ родѣ мѣстныхъ фруктовъ, было вдоволь, и Николай Михайловичъ чувствовалъ себя хорошо, бодро распорядясь о приготовленіяхъ къ дальнѣйшему движенію экспедиціи.

Н. И. Толпыго проводилъ насъ до Ташкента. Прощаясь съ нимъ, Пржевальскій говорилъ: „Теперь для насъ одинъ маршрутъ—впередъ до Лхасы. Черезъ два года увидимся. Срокъ этотъ крупный въ обыденной жизни, но не особенно дологъ для великихъ дѣлъ“.

Дальнѣйшій путь до Каракола предстоялъ исключительно почтовый съ продолжительной остановкой въ Пишпекъ, изъ котораго Николай Михайловичъ уѣзжалъ въ Вѣрный за полученіемъ купленного тамъ китайскаго серебра, на расходы въ предстоявшемъ путешествіи. На обратномъ пути уже вблизи Пишпека, среди камышевыхъ зарослей, онъ встрѣтилъ массу фазановъ и на слѣдующій день отправился съ Роборовскимъ поохотиться за этими красивыми пернатыми. Эта поѣздка вышла роковой: охотясь въ камышахъ, Николай Михайловичъ нѣсколько разъ пилъ сырую воду какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ жили киргизы, повально-страдавшіе тифомъ. Мы долгое время не хотѣли вѣрить, чтобы Пржевальскій могъ позволить себѣ дѣлать то, чего не позволялъ намъ, въ данномъ случаѣ—никогда не пить некипяченую воду, а самъ... самъ пилъ и самъ признался въ этомъ...

Покончивъ вопросъ съ покупкой верблюдовъ и другими менѣе сложными дѣлами, Николай Михайловичъ восьмого сѣтября оставилъ Пишпекъ, а десятого уже прибылъ въ Караколъ. На слѣдующее утро приѣхали туда и я съ Роборовскимъ. На наше замѣчаніе, послѣ первыхъ привѣтствій, какой Николай Михайловичъ чистенькій и приличный, онъ намъ отвѣтилъ: „да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркало такимъ старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе выбрился“.

Въ небольшихъ каракольскихъ домишкахъ, Пржевальскому не нравилось—не хватало простора, чистоты, воздуха... Въ одинъ день пришлось перемѣнить нѣсколько квартиръ, и даже та, на которой онъ, наконецъ, остановился—его не удовлетворяла.—Здѣсь, говорилъ онъ, тоже мрачно, гадко и выйти некуда; по улицамъ же шляться я не люблю. Надо посмотрѣть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по-экспедиціонному. Оттуда

можно сходить и на охоту, въ ущелье, устроить облаву на дикихъ козъ; Тяньшанская коза должна быть интересна—въ музеѣ нѣтъ.

Четырнадцатаго октября мы расположились бивуакомъ за городомъ. Пржевальскій самъ приводилъ въ порядокъ бумаги, денежные расчеты и выдалъ намъ записочки, сколько нашихъ денегъ находится у него на храненіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, переходя изъ города на бивуачное расположеніе, онъ отдалъ приказъ по экспедиціонному отряду, въ которомъ перечислялъ поименно всѣхъ въ него вошедшихъ лицъ, распредѣлялъ между ними должности и разные виды занятій во время путешествія и проч.

„Итакъ, писалъ онъ въ заключеніе, начинается наше путешествіе! Дѣло это будетъ трудное, за то и славное. Теперь мы на виду не только всей Россіи, но даже цѣлаго свѣта. Покажемъ же себя достойными такой завидной участи и сослужимъ для науки службу молодецкую...

„Впереди, на цѣлые два года, насъ ждетъ непрерывный рядъ трудовъ, лишеній и опасностей, но помните, что смѣлымъ Богъ владѣетъ, и что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—не пропадаютъ“.

На слѣдующій день Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больного человѣка и впервые пожаловался на нездоровье, но пригласить доктора не соглашался.—Не въ первый разъ это, говорилъ онъ, и такъ пройдетъ. Все время, въ теченіе дня, онъ находился въ юртѣ въ полу-лежащемъ положеніи и самъ себѣ измѣрялъ температуру и отсчитывалъ пульсъ. У пріѣхавшаго навѣстить его штабсъ-капитана Хацитовскаго онъ спрашивалъ, часто ли бываетъ здѣсь тифъ, въ какихъ формахъ проявляется эта болѣзнь и проч.

Въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое октября больной спалъ не спокойно, температура повысилась, но утромъ онъ почувствовалъ маленькое облегченіе и вышелъ на воздухъ. Шагахъ въ трехстахъ расположился бурый грифъ и привлекъ вниманіе Пржевальскаго. Николай Михайловичъ спросилъ его любимую „американку“—и выстрѣломъ изъ нея эффектно убилъ грифа. Стоявшіе поодаль киргизы ахнули отъ удивленія. Вскорѣ грифа притащили на бивуакъ и, любуясь этой царственной птицей, Пржевальскій замѣтилъ: вотъ это для меня самое лучшее лекарство...

...Утромъ семнадцатаго числа, болѣзнь Николая Михайловича усилилась, и онъ согласился, наконецъ, послать за докторомъ. Докторъ И. И. Крыжановскій нашелъ больного въ юртѣ, въ сидящемъ положеніи, въ мѣховой тужуркѣ, такъ какъ на дворѣ и въ юртѣ

было порядочно холодно. Больной жаловался на боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, отсутствіе аппетита, жажду, боли въ ногахъ и затылкѣ и тяжесть въ головѣ. Докторъ тщательно осмотрѣлъ его и выслушалъ. При изслѣдованіи оказалось: цвѣтъ лица съ самымъ незначительнымъ желтоватымъ оттѣнкомъ; языкъ сухой, животъ очень большой и вздутый, толчки сердца и пульсъ слабые.

Прописавъ лекарство, докторъ обѣщаль заѣхать на слѣдующій день и, хотя лекарство его оказало свое дѣйствіе, но къ утру положеніе больного улучшилось весьма немного. Въ юртѣ было холодно, топить же ее Николай Михайловичъ не позволялъ, такъ какъ ему трудно было смотрѣть на мерцающій огонь, да кромѣ того, пока разгораются дрова, обыкновенно юрта наполняется дымомъ, который ѣсть глаза, а когда дрова разгорятся, то дѣлается жарко.

Весь этотъ день больной ничего не ѣлъ, пилъ только чай съ клюквеннымъ экстрактомъ, немного дремалъ и изъ юрты не выходилъ.

Болезнь не поддавалась леченію, и докторъ Крыжановскій предложилъ ему возвратиться въ городъ и помѣститься въ какомъ-нибудь домѣ. Жизнь въ холодной юртѣ, постоянное нахожденіе въ мѣховой одеждѣ, лежаніе на войлокѣ и на землѣ—все это могло только ухудшить и безъ того тяжелое положеніе больного. Пржевальскій соглашался переѣхать въ домъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы отыскали ему помѣщеніе внѣ города и при томъ такое, возлѣ котораго можно было бы расположить весь отрядъ, багажъ и верблюдовъ. Такимъ требованіямъ удовлетворялъ вполнѣ глазной баракъ каракольскаго лазарета. Это было кирпичное зданіе, сухое и теплое, съ хорошимъ поломъ и печкой. Стѣны были немедленно выбѣлены, полъ вымытъ и баракъ протопленъ съ открытыми окнами. На дворѣ было поставлено нѣсколько юртъ для насъ, офицеровъ, и для конвоя. Барачный дворъ далъ возможность свободно размѣститься всей экспедиціи. Площадь двора была обсажена аллеями ивъ, орошаемыхъ сѣтью арыковъ, проведенныхъ изъ горной рѣчки Караколки.

Съ самаго ранняго утра восемнадцатаго октября у Николая Михайловича открылось непрерывное кровотеченіе. Освѣдомленный объ этомъ Крыжановскій явился въ сопровожденіи старшаго врача мѣстнаго лазарета Барсова. Они нашли Пржевальскаго въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, за которымъ послѣдовалъ обильный потъ. Передъ выступленіемъ пота, больной чувствовалъ себя очень скверно.

— Воздуху не хватаетъ, твердилъ онъ.

Лишь только сдѣлалось нѣсколько легче, какъ Николай Михайловичъ изъявилъ желаніе переѣхать въ приготовленный для него домъ. Ему надѣли шубу и валенки, посадили въ тарантасъ и ша-

гомъ перевезли въ баракъ. Это новое помѣщеніе ему, повидимому, понравилось, и возбудился нѣкоторый аппетитъ: онъ съѣлъ куринаго супа и выпилъ немного вина.

Вслѣдъ за симъ ему сдѣлалось опять хуже—опять появилось кровотеченіе носомъ, и температура поднялась до 40,4°. Находившійся безотлучно при больномъ фельдшеръ показалъ намъ глазами на термометръ.

— Сколько? спросилъ Николай Михайловичъ, слѣдившій за глазами фельдшера.

— Тридцать восемь съ небольшимъ, почти тридцать девять, отвѣчалъ фельдшеръ.

Больной приказалъ показать себѣ термометръ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ—порядочно выше.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ ночи пришелъ докторъ, которому больной жаловался, что животъ давить ему грудь и не даетъ дышать. Его вытерли камфорнымъ спиртомъ, послѣ чего сталъ замѣчаться упадокъ силъ, больной началъ дремать и изрѣдка бредилъ (картинами путешествія, пролетными птицами и проч.). Приходя въ сознаніе и видя себя окруженнымъ нами, онъ говорилъ совершенно спокойно и твердо о своей близкой смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти, говорилъ онъ, и нѣсколько разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней. Замѣчая на нашихъ глазахъ слезы, онъ называлъ насъ „бабами“.

— Похороните меня непременно на Иссыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: „Путешественникъ Пржевальскій“. Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты, обращаясь къ Роборовскому, сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Цердѣ—Козлову, Слободу *передаю* Володѣ, въ майоратъ; если онъ откажется, Лялѣ—дочери брата Евгенія Михайловича. Ефиму Сергѣевичу наградныхъ триста рублей. „Нефедку“—гренадера-спутника—пристроить навсегда въ Слободѣ. Мои спеціальныя журналы: съ замѣтками о звѣряхъ—Бихнеру, съ замѣтками о птицахъ—Плеске...

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ.

— Скажите, докторъ, долго ли я проживу? спросилъ Николай Михайловичъ. Мнѣ надо многое передать спутникамъ. Вы меня не испугаете, если скажете правду; смерти я не боюсь нисколько.

Докторъ старался, конечно, успокоить больного.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я все сдѣлаю завтра, все скажу, проговорилъ онъ, завтра пошлемъ и телеграммы.

Къ восьми часамъ утра двадцатаго октября ему стало очень

худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: „ну, теперь я лягу“.

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть... нѣсколько учащенныхъ дыханій, два—три глубокихъ вздоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькія слезы душили каждого изъ насъ... Мнѣ казалось такое горе пережить нельзя...—*да оно и теперь еще не пережито!*

Конвой рѣшилъ никого не допускать къ драгоценнымъ останкамъ покойнаго, и необходимыя въ данномъ случаѣ приготовленія исполнилъ самъ. Омылъ бездыханный прахъ, одѣли въ походную экспедиціонную одежду и положили его въ переднемъ углу того же барака.

По общему совѣту мѣсто для могилы было выбрано въ двѣнадцати верстахъ отъ Каракола, на высококомъ обрывистомъ берегу Иссыкъ-куля. По твердости грунта, могилу копали сами солдаты и казаки въ теченіе двухъ дней; два гроба: одинъ деревянный, а другой желѣзный, для вѣшной стороны, готовили въ батарее и убирали ихъ матеріей и галуномъ. Мѣстныя дамы сдѣлали прекрасный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и возложили его на гробъ; солдатки сдѣлали огромный вѣнокъ и гирлянду изъ ели, которую такъ любилъ покойный.

Два раза въ день служились панихиды, которыя обыкновенно посѣщались всѣмъ интеллигентнымъ Караколомъ. Такъ прошло до двадцать шестого октября, когда, вечеромъ, была получена телеграмма командующаго войсками округа, разрѣшавшая предать тѣло землѣ.

На слѣдующій день, въ 8½ часовъ утра, былъ назначенъ выносъ, и къ этому времени передъ бараккомъ выстроились 5-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ съ хоромъ музыки и батарея горной артиллеріи. вмѣсто дрогъ для гроба былъ приспособленъ полевой лафетъ. Тяжесть гроба была такъ велика, что его едва донесли до лафета.

Послѣ обѣдни и отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много, и всѣ, даже дамы, шли пѣшкомъ... На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ—киргизъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода, солнце пригрѣвало по-лѣтнему, верхи Тянь-Шаня искрились словно въ серебрѣ, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи...

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатоности внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось вмѣстѣ съ душевною мольбою ко Всевышнему, успокоить великую душу усопшаго раба Николая...

Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ—и душой и тѣломъ, самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ: да будетъ же твоей завѣтъ навсегда хранимъ нами...

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи, и могила его находится у подножья Небеснаго хребта.

„Мѣстность эта, говоритъ П. П. Семеновъ, хорошо мнѣ знакома; она такъ врѣзалась неизгладимыми чертами въ моей памяти, что я какъ бы вижу ее передъ собою, обращаясь отъ только-что закрывшейся могилы къ завѣтному югу. Широко раскинулась вправо синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-куля...

„Этотъ величественный рядъ закутанныхъ въ бѣлоснѣжные саваны великановъ стоитъ на стражѣ дорогой намъ могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за предѣлы которой нашъ славный путешественникъ дѣлалъ свои отважные набѣги въ почти невѣдомыя до него въ научномъ отношеніи страны. Изъ-за этой грани привозилъ онъ намъ богатую добычу планшетовъ, записей и естественно-историческихъ коллекцій. Несравненно дороже серебра и золота, которое такъ бережно тратилъ онъ на свои экспедиціи, была эта добыча, такъ какъ она представляетъ собою тотъ драгоценный матеріалъ, изъ котораго, въ послѣдствіи, кропотливымъ трудомъ ученыхъ въ ихъ кабинетахъ, постоянно достраивается и ремонтируется величественное общечеловѣческое зданіе науки.

„Не могли мы усыпать дорогую намъ могилу сплошнымъ ковромъ любимыхъ съ ранняго дѣтства Пржевальскимъ цвѣтовъ, не

могли положить въ ея изголовьи того лавроваго вѣнка, которымъ украшенъ находящійся передъ вами его портретъ, но собрались сегодня въ той самой, родной ему по духу, средѣ, въ которой постепенно создалась его слава, и которая такъ дружно его поддерживала и давала просторъ его широкимъ стремленіямъ,—собрались для того, чтобы почтить память Пржевальскаго воспоминаніемъ о дорогомъ усопшемъ.

„Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много... Въ нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы, многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоценные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій, при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго Общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

„Меня не было въ Петербургѣ при отъѣздѣ Пржевальскаго въ его послѣднюю экспедицію, но одному изъ близкихъ мнѣ передалъ онъ, съ свойственною ему живостью, свои впечатлѣнія при послѣднемъ въ его жизни прощаніи съ нимъ Царской Семьи. Слезы умиленія и признательности блестяли въ хорошо знакомыхъ намъ умныхъ, живыхъ глазахъ, не знавшаго страха и упрека, мощнаго тѣломъ и духомъ богатыря. Съ неменьшимъ, чѣмъ когда-либо мужествомъ и самоотверженіемъ, казалось, бросился онъ и въ это новое, самое завѣтное для него предпріятіе, пріѣхалъ на грань русской земли, и въ пять дней его не стало.

„Совѣтъ Императорскаго русскаго Географическаго Общества постановилъ уже почтить память усопшаго учрежденіемъ медали и преміи имени Н. М. Пржевальскаго для увѣнчанія его научныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ путешествіями.

„Нѣкоторые члены нашего Общества возбуждаютъ чрезвычайно симпатичную мысль поставить бюстъ Пржевальскаго въ лучшемъ изъ скверовъ города Петербурга ¹⁾).

¹⁾ Двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ достойномъ славнаго путешественника мѣстѣ.

Нѣсколько позднеѣ поставленъ, величественный памятникъ на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссыкъ-куля. Авторъ памятника—то

„Но есть еще одинъ *нерукотворный* памятникъ, который можетъ быть созданъ Пржевальскому на почвѣ дѣятельности Императорскаго русскаго Географическаго Общества... Нерукотворный памятникъ Пржевальскому, наиболѣе ему симпатичный, въ его духѣ, могутъ поставить тѣ изъ насъ, сочленовъ, которые послѣдуютъ его доблестному примѣру и отдадутъ свои силы продолженію тѣхъ изслѣдованій, которыя онъ началъ, скромно называя ихъ научными рекогносцировками и считая себя только піонеромъ этихъ изслѣдованій. Чуждый мелкому самолюбію, преданный только своей идеѣ, Пржевальскій посвятилъ, съ особенною любовью, часть своего послѣдняго сочиненія инструкціи для будущихъ путешественниковъ въ Средней Азій, полагая, что къ памятнику величія Россіи, имъ тамъ заложенному, „не зарастетъ народная тропа“.

„Не бредомъ больного воображенія было послѣднее выраженное дорогимъ намъ усопшимъ желаніе быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля. Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьѣ, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

варищъ и другъ покойнаго — генералъ А. А. Бильдерлингъ за проектъ этого художественнаго мавзолея, удостоился особой похвалы Государя Императора.

Иссыкъ-кульскій памятникъ, рисунокъ котораго при семъ прилагается, изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тяньшанскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ,—выраженіе ума, силы и безстрашія. Подъ когтями орла карта Азій, на бронзовомъ листѣ; въ клювѣ оливковая вѣтвь—эмблема мирныхъ завоеваній науки. На лицевой сторонѣ скалы бронзовый крестъ, подъ нимъ надпись, высѣченная на камнѣ: „*Николай Михайловичъ Пржевальскій*“, мѣсяць, число, годъ рожденія и кончины. Подъ надписью, въ серединѣ скалы, вставлена бронзовая медаль, въ увеличенномъ видѣ, выбитая Императорскою Академіею Наукъ. На медали изображенъ Пржевальскій, а подъ нею высѣчена въ камнѣ надпись, помѣщенная на оборотной сторонѣ медали: „*Первому изслѣдователю природы Центральной Азій*“.

Баракъ, въ которомъ скончался Николай Михайловичъ, наименованъ *баракъ* „генералъ-маіора Пржевальскаго“. Въ баракѣ этомъ, противъ того мѣста, гдѣ умеръ путешественникъ, прибита мѣдная доска съ надписью: „*Здѣсь скончался генералъ-маіоръ Пржевальскій 20 октября 1888 года въ 9 часовъ утра*“.

Городъ Караколь переименованъ въ *Пржевальскъ*.

„Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тѣни, и она охотно передастъ вамъ весь нехитрый запасъ своего оружія, который слагается изъ чистоты душевной, отваги богатырской, изъ живой любви къ природѣ и высшему проявленію человѣческаго генія—наукѣ, и изъ пламенной и безпредѣльной преданности своему отечеству, и олицетворяющему его въ нашемъ русскомъ народномъ понятіи русскому царю.

„Берите же смѣло это оружіе съ изголовья могилы усопшаго изъ-подъ его лавроваго вѣнка, идите съ нимъ отважно впередъ на любомъ пути истины и знанія на славу дорогой Россіи, и вы соорудите *нерукотворный памятникъ Николаю Михайловичу Пржевальскому*“.

П. Козловъ.

